

Гиганты Азии

Большой Залив Гуандуна требует от Пекина демократии для провинций

Наш анализ китайского *однопартийного плюрализма* основывается на марксистской теории демократии как *наилучшей оболочки* буржуазной диктатуры и ленинской концепции *империалистической демократии* как «*реакционной демократии*» – наилучшей оболочки капитализма, ставшей реакционной на его империалистической стадии.

Целый пласт анализа касается утверждения демократии как политической формы мирового империалистического развития и кажущегося китайского исключения. В соответствии со своей классовой сущностью китайское государство осуществляет централизацию плюрализма политических волей доминирующих групп и фракций буржуазии, что является законом империалистической демократии. Тем не менее этот процесс происходит в особенных формах партии-государства, то есть в рамках китайского варианта плюралистической централизации, которые заданы почти столетними политико-институциональными особенностями и родовыми муками цикла государственного капитализма и его интернационализации при правлении КПК.

Следовательно, ещё один пласт анализа касается истории и развития специфических форм политической власти китайской буржуазии и структуры государственных властей, которые являются её выражением внутри однопартийной оболочки.

Политические формы и классовое содержание

В конечном счёте пласт политического анализа касается конкретной почвы борьбы, которая исторически ухватывает степень эффективности тех или иных форм для обеспечения функционирования современного государства. Время от времени столкновение по поводу форм китайского государства и, следовательно, *демократии* в Китае становится не просто академической дискуссией, но и конфликтом между фракциями и политическими течениями, развивающимся в моменты формирования этой демократии (достаточно вспомнить о кризисе на площади Тяньаньмэнь) или по крайней мере в моменты, когда требование демократии является оружием в руках действительных сил.

Следовательно, вопрос демократии ставится в конкретных терминах и сегодня по-прежнему остаётся одной из дилемм однопартийного плюрализма перед лицом масштабов социальных изменений в Китае; перед лицом политических сражений, которые периодически потрясают государственные формы, захватывая внутренний плюрализм провинций, военных округов и баланс властей в рамках коллективного лидерства; наконец, перед лицом кризиса мирового порядка, спровоцированного вторжением Дракона. Эти колоссальные испытания касаются всех задач, возложенных на буржуазное государство, в том числе и в Пекине, в отношении рабочего класса, обособленных шагов отдельных капиталистов и, наконец, в рамках противостояния между государствами.

Кроме того, это касается как минимум двух узлов, отметивших китайскую историю, а именно: во-первых, когда политические силы опирались на широкие внутренние социальные изменения в поиске массовой базы для поддержки своей борьбы за власть; во-вторых, когда внутренние и внешние силы переплетались друг с другом или в использовании иностранными державами внутренних разломов, или в поиске внутренними течениями лазеек в международных взаимосвязях, что можно наблюдать и сегодня в действиях «американской партии», «европейской партии», «японской партии» и т. д. в Китае.

Школа Тяньаньмэнь в изгнании

Подтверждением являются размышления Чжэн Юннэня, основателя Института международных отношений Цяньхай в Китайском университете Гонконга в Шэньчжэне и теоретика «*фактического федерализма*» в Китае. Мы достаточно давно следим за позицией этого автора, родившегося в Чжэцзяне, но перебравшегося в Гуандун – провинцию, что защищала Дэн Сяопина во время культурной революции, а затем через фигуру Чжао Цзыяна получила главенство в Китае, которое затем уступила Шанхаю после поражения на площади Тяньаньмэнь. В предисловии к книге 2023 г. «*Civilization and the Chinese Body Politic*» Чжэн

вспоминает, как был пекинским студентом в 1989 году: «Тогда все мы верили, что западная демократия была неизбежностью и в интересах Китая». Правда, оставив учёбу в Пекине и поступив в 1990 году в Принстон, как и «многие бывшие китайские госслужащие и академики», Чжэн пришёл к иной концепции: в Китае «развитие и демократия» реализуются не «одновременно», а «одно за другим». Он писал: «Дальнейший экономический прогресс неизбежно углубит связи в отношениях государство – общество, что подтолкнёт Китай в сторону демократии» (“Development and Democracy”, 1994).

Это был первый шаг в размышлениях, которые приведут Чжэна к формуле «демократии с китайской спецификой», которая отличается от старой дискуссии о демократии, что вели эмигранты 1989 года, и которая может быть сегодня использована Пекином как в полемике с Вашингтоном и погоне за старыми державами (Китай – это демократия, но со своими особенностями, непонятными Западу), так и в отношениях с внутренними течениями, поскольку двусмысленность формулы может предполагать «китайские» политические изменения, что найдут различный выход.

В 1990-е годы в Принстоне Чжэн начал свои исследования «фактического федерализма» в Китае, дистанцировавшись от более федералистских тезисов Янь Цзяци, укрывшегося во Франции бывшего советника Чжао Цзыяна. Что касается тезиса о «внутреннем плюрализме», Чжэн позаимствовал его у Мо Даомина, основателя Института государственной политики (IPP) Гуандуна, а ныне члена Консультативной конференции провинции – органа кооптации локальных элит.

Плюрализм и разделение властей

Чжэн и Мо пишут, что в отличие от «внешнего плюрализма» западной многопартийности политическая система с китайской спецификой посредством однопартийного «внутреннего плюрализма» осуществляет представительство, выражение и соперничество интересов, которые влияют на политическую линию государства, и таким образом приобретает характер «прогрессивной демократической модели». И ещё: «Внутренний плюрализм не только интегрирует интересы, но и может обеспечить определённую степень “внутренних сдержек и противовесов” посредством разделения властей». Речь идёт о «третьей власти», фактически восстановленной с антикоррупционной кампанией Си Цзиньпина в лице Центральной комиссии по проверке дисциплины: «С формальным учреждением надзорной власти Китай сформировал систему разделения и сотрудничества между тремя властями внутри партии, а именно между властью, принимающей решения, исполнительной властью и контролирующей властью» (IPP, декабрь 2022 г.).

Концепции «внутреннего плюрализма» и «внутреннего разделения властей», разработанные мозговыми центрами Юга, дополняет политическая практика “суперпровинции” “Большого Залива” Гуандуна, которая включает также Гонконг и Макао. Чжэн и Мо пишут, что для Китая неизбежностью является «органическое взаимодействие между единым лидерством и локальными экспериментами». В 2016 году именно Мо Даомин, член Постоянного комитета Консультативной конференции, выдвинул предложение о создании “Зоны Большого Залива Гуандун – Гонконг – Макао”, позаимствованное на следующий год премьером Ли Кэцяном и одобренное Центральным комитетом в 2019 году. Похоже, что авторы близки к кругам, принимающим решения в Гуанчжоу, а также в Пекине.

Законы империалистической демократии

Книга Чжэна от 2023 года входит в переведённую на английский язык трилогию о государстве. Любопытно, что эти тезисы, продолжающие циркулировать внутри Китая в виде статей *Global Times* и различных китаезычных публикаций шанхайских и кантонских экспертов, предлагаются и для иностранных дебатов, которые могут за них ухватиться. Чжэн пишет, что «политические изменения в Китае кажутся невозможным предприятием. Однако ни одному китайскому режиму не удавалось установиться навечно». Встаёт вопрос о демократии: «В других частях мира всё больше авторитарных режимов в западном смысле этого слова демократизировались. Будет ли Китай двигаться против тенденции и станет ли он исключением?»

С одной стороны, китайское «исключение» относительно демократической «тенденции» после второй мировой войны – которая, как мы задокументировали, является

эмпирическим законом империалистической демократии – является вопросом и даже ставит под сомнение долголетие *«китайского режима»*. Это можно интерпретировать на манер старых течений, которые чётко противопоставляли демократию и главенство КПК, откликаясь на иностранное влияние. По мнению Чжэна, КПК исключает вариант *«демократизации режима»* как раз из-за *«большого страха»*, что *«внутренний хаос и внешняя агрессия»* трансформируются в политический кризис, что поставит под угрозу сохранение лидерства партии. С другой стороны, недостаточное следование Китая *«тенденции»* демократизации вызывает такую же неуверенность в устойчивости его политического *«режима»*. Получается, требование политических изменений является жизненно важным вопросом.

Демократизация с китайской спецификой

Чжан дистанцируется от старых течений: настоящий вопрос состоит *«не в том, станет ли Китай демократическим, а в том, какой тип демократии будет в Китае»*. Это исключает *«западный тип демократии»*: какую бы политическую формулу ни принял Китай, он останется *«цивилизационным государством»* – с помощью этой формулы Чжэн отвечает тезисам Чжан Вэйвэя из шанхайского Университета Фудань. Исключительность китайской модели сохраняется: *«в Китае произошла демократизация без демократии»*; политическая система способна *«вобрать в себя демократические элементы»*, без того чтобы стать *«полной демократией»*; хотя Китай остался *«однопартийной системой»*, он показал свою *«институциональную гибкость»*; подобно своей *«смешанной [государственно-частной] экономике»* Китай сформировал *«настоящий смешанный режим»*. Это означает, например, сосуществование *«прямой демократии на местах»* с *«непрямой демократией на национальном уровне»*.

Вывод предполагает два сценария: в основном, *«покуда КПК остаётся у власти, Китай останется смешанным режимом»*. Если же Китай *«пойдёт по пути»* других азиатских демократий, таких как Южная Корея, Япония или Тайвань, *«тогда откроются все другие возможности»*. Гипотетически это не исключено: *«Если другие восточноазиатские общества могут демократизироваться, нет смысла исключать [демократизацию в] Китае»*. В истории страны уже происходили эти процессы, однако краткий период *«парламентской демократии»* после падения династии Цин оказался *«провалом»*, и Китайская республика была уничтожена «милитаристами» и мировыми войнами.

Политическая демократизация сверху

Из четырёх вариантов, завершающих книгу, Чжэн исключает два: политические изменения, вызванные внешними силами, что крайне маловероятно из-за военной мощи, достигнутой Драконом, и крах «сверху вниз» по образцу СССР, что не невозможно, но маловероятно. Риск был *«реальным»* в 1989 году, когда произошла *«борьба наверху»* между Ли Пэнгом и Чжао Цзяном: неявно Чжэн извлекает из тех событий тот же урок, что в своё время извлёк Дэн Сяопин, навязавший вариант «авторитарной демократии», гарантированной КПК, против «демократии улицы».

Автор продолжает, рассматривая другие два сценария политических изменений: гипотеза революции «снизу» и более *«реалистичное»* предположение о либерализации «сверху». Однако Чжэн предупреждает, что *«социальные кризисы и внешние шоки»* могут вызвать борьбу за власть и изменение формы государства, что в условиях *«реальной политики»* требует сочетания двух сценариев. В остальном, каким образом должны проявиться *«силы политических изменений»*, вызванные реформами и открытостью, рыночной экономикой и глобализацией, *«капитализмом и классовыми различиями»*. *«Вопрос в том, какое политическое изменение последует за слиянием всех этих сил»*.

Демократизация и классовая борьба

Возможность для буржуазии использовать в политических целях социальную борьбу является объективной базой тенденции к демократизации диктатуры капитала, так что не случайно, что эту тему затрагивают в размышлениях о *«типе демократии»*, который можно развить в Китае.

Чжэн пишет, что с открытием мировому рынку *«Китай вошёл в фазу сопротивления и народного восстания, если не революции»*. С одной стороны, это связано с *«капиталистической индустриализацией»*. В прошлом китайские лидеры считали исторической необходимостью *«учиться»* у капиталистических стран, а ныне, *«согласно этой же логике, Китай не может избежать движений рабочего класса»*. Глобализация, в том числе в коммуникациях, ставит акцент на этом факторе. С другой стороны, классовая борьба пересекается с политической борьбой за *«построение государства»* и *«консолидацию»* его власти и захватывается *«борьбой за власть между центром и провинциями»*, которые вокруг фискального вопроса собирают напряжённость по поводу экспроприации земель, статуса рабочих-мигрантов и в целом социальный метаболизм государства всеобщего благосостояния и городской социал-демократизации. Более того, это придаёт национальную значимость борьбе и столкновениям, которые пусть и распространены, но могли бы не выходить за пределы местного уровня.

В интересной заметке по поводу хода классовой борьбы в Китае Чжэн пишет, что китайская политическая структура – де-юре унитарная, но *«де-факто федеральная»* – имеет преимущество, поскольку большинство *«беспорядков»* являются местными и запросто изолируемыми провинциальными правительствами – главными блюстителями порядка. *«Если хаос возникает в некоторой данной зоне, то он должен быть удержан в границах этой зоны»*. Вторым преимуществом для китайского государства является характер рабочей борьбы, цели которой в большинстве случаев являются *«материалистическими»*, то есть экономическими. Правительство *«действует быстро, чтобы изолировать главарей и организаторов»*, а тем временем ищет *«компромисса»* с манифестантами по поводу ряда непосредственных требований: занятость, здравоохранение или *«другие преимущества»*. *«Покуда их цели будут материальными, режим будет способен найти способ сдержать и контролировать социальные движения и заключить их в определённые границы»*.

Слабое лидерство Ху Цзиньтао

Если одной из *гарантий* режима является тред-юнионистский уровень рабочей борьбы, то одним из основных моторов *«политического изменения»* является борьба между буржуазными фракциями, проявляющаяся в трениях между Пекином и провинциями и между разными провинциями.

После кризиса 1989 года тогдашний глава Шанхая Цзян Цзэминь стал *«компромиссным кандидатом между Восьмью бессмертными партии»*, однако впоследствии ловко консолидировал своё лидерство, нанеся поражения ряду своих политических оппонентов: председателю Ян Шанкуню, его брату армейскому генералу Ян Байбину, мэру Пекина Чэнь Ситуну, председателю парламента Цяо Ши, главе Консультативной конференции Ли Жуйхуаню и главе Дисциплинарной комиссии Вэй Цзяньсину. Передача власти от Цзяна к Ху Цзиньтао в 2002 году, однако, была частичной, и Ху был вынужден призвать Шанхай к дисциплине, отстранив секретаря Чэнь Лянъюя. По мнению Чжэна, в ответ на ограниченные возможности своего лидерства *«Ху решил децентрализовать власть в пользу сильных местных лидеров»*, открыв дорогу Бо Силаю в Чунцине и Ван Яну в Гуандуне.

Дэн исключил из китайской модели *«сдержки и противовесы»* и *«разделение властей»* по западной модели, по крайней мере на ближайшее будущее. Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао закрепили практику *«коллективного лидерства»* как равновесия властей с помощью ряда *«невных и явных норм»*, чтобы удержать борьбу в высших эшелонах власти *«в определённых рамках»*: квоты мест для определённых провинций в Политбюро, ограничения по возрасту и срока мандата в зависимости от занимаемой должности, возможность для потерпевших поражение лидеров *«уйти с почётом»*. XVII съезд КПК в 2007 году установил компромисс формулой *«первым делом внутривластная демократия, а социальная демократия потом»*, однако Ху Цзиньтао не был способен её упрочить.

Дилеммы централизации

Чжэн возвращается к двум историческим ограничениям демократизации в Китае: во-первых, когда он *«начал модернизироваться»*, уже наступила *«эпоха империализма»*, и Пекин был вынужден отдать *«максимальный приоритет выживанию страны в ущерб индивидуальным свободам и демократии»*; во-вторых, в своей новейшей истории Китай

столкнулся с *«дилеммой между централизацией и децентрализацией»*. Децентрализация необходима для модернизации: достаточно вспомнить о стратегии *«реформ и открытости»*, которая отдавала предпочтение прибрежным провинциям и таким образом создавала центробежную тягу.

Уже во время налоговой реформы 1994 года, которая изменила долю отчислений в центральный бюджет, *«местное сопротивление было сильным»*; при председательстве Ху Цзиньтао дилемма снова встала в повестку дня, открывая дверь местным *«олигархиям»*. По этой причине проведённая Си Цзиньпином с 2012 года централизация, хотя и *«рассматривалась как легитимная и необходимая»* и даже *«восстанавливающая систему из трёх властей»*, только *«усугубила»* дилемму децентрализации и в конечном счёте трения между центром и провинциями.

“Демократия провинций”

Эта оценка имеет вес по крайней мере по двум причинам: с одной стороны, потому что она является частью текущих политических дебатов на высоком уровне в Китае; с другой – потому, что она имеет связь с реальными политическими силами в самих провинциях. При Цзян Цзэмине и Ху Цзиньтао, пишет Чжэн, большинство членов ЦК КПК составляли представители более богатых прибрежных провинций Чжэцзян, Цзянсу, Шанхай, Шаньдун и Хэбэй, что *«сильно не устраивало»* материковые провинции. Отметим также непредставленность Гуандуна – динамичной провинции Чжао Цзыяна, далёкой от Пекина и исключённой из процесса принятия решений в центре на некоторое время после поражения протестов на площади Тяньаньмэнь, куда Чжао отбывал свою ссылку в Запретном городе. По словам Чжэна, в этих условиях нарушения равновесия на Пекин оказывалось сильное давление, чтобы сделать *«более демократическими»* отношения между центром и провинциями и *«более равно распределять политическую власть между провинциями»*. Это несоответствие в политическом весе, однако, не исправилось, а даже *«усугубилось»* при Си Цзиньпине, поскольку его властная коалиция продолжала опираться на представителей Фуцзяни, Чжэцзяна и Шанхая. Отметим, что таким образом в “демократии провинций” Чжэна сходятся необходимость большего равновесия в китайском *«фактическом федерализме»*, а также особые требования исключённых провинций.

Диалектика армии Чжэцзяна

После ареста Бо Силая и кооптации Ван Яна лидерство Си опиралось на доверенных людей из *«армии Чжэцзяна»* – провинции на южном конце Великого канала, которая на протяжении веков была связана с Пекином речным сообщением и испытывала враждебность к морским “пиратам” Фуцзяни. В XX веке капиталистическое развитие вывело Чжэцзян на орбиту Шанхая: с одной стороны, он стал индустриальным сердцем и банковским клиентом, а вскоре интернационализировался как мировой экспортный хаб и родина больших и малых торговцев – от Alibaba до “Чайнатаунов”; с другой – он стал политическим *«младшим партнёром»*, зависимым от Шанхая в получении доступа к Пекину, но также получавшим преимущество, когда у власти были представители Шанхая. Эта экспортно ориентированная и либеристская провинция, естественно, сегодня уделяющая большее внимание *«общему процветанию»* внутреннего рынка, впервые смогла возглавить страну через фигуру Си Цзиньпина, а выходец из Чжэцзяна Ли Цян стал секретарём Шанхая и впоследствии китайским премьером. Другие представители провинции получили различные должности национального уровня, уравновешенные в свою очередь другими назначениями в рамках *«плюрализма мандаринов»*, согласно логике “пяти озёр и четырёх морей”, которую ни одна провинция не в силах выразить в одиночку.

В одной из предыдущих статей мы рассматривали тезисы Чэн Ли из Брукингского университета, согласно которым, суперпровинции, собранные вокруг Пекина, Шанхая, Гуанчжоу и Чунцина получили *«децентрализованную власть, чтобы преследовать различные подходы в своих кластерах»*, именно потому, что возглавлялись *«доверенными лицами»* Си. Так, нынешний секретарь Гуандуна Хуан Куньмин работал вместе с Си в Фуцзяни и Чжэцзяне и сотрудничал с ним в *Zhejiang Daily* в 2000-е годы.

И из Пекина дороги ведут в Рим

Показательно, что выступления Хуана и Чжэна на пекинском «Международном форуме демократии» 2021 года связывают вопрос демократии с дилеммами китайской централизации. Чжэн считает, что *«демократия в одной стране проявляется в различных формах в различные периоды, и каждая страна имеет собственный метод построения демократии. Демократия стабильна, когда совместима с экономической, социальной и культурной ситуацией в стране. Демократия существует дольше, если рождается внутри, а не навязывается внешними силами. Если демократия – это Рим, то все дороги могут привести в Рим».*

Хуан подтверждает, что *«не существует единой для всех демократии»*, но уточняет, что китайская модель *«народной демократии внутреннего процесса»* является *«настоящей демократией, которая работает»*. Формула, введённая в оборот на XVIII съезде КПК в 2012 году, называет *«централизованное и крепкое лидерство»* предварительным условием для *«внутрипартийной демократии»* и, следовательно, политической модернизации, направляемой сверху, с необходимым уровнем централизации.

В своей книге Чжэн разоблачает *«сверхцентрализацию»* при Си Цзиньпине, которая *«сократила степень внутрипартийной демократии»*, что *«является как раз слабостью Китая, а не его силой»*, так что в долгосрочной перспективе Пекин должен будет *«восстановить»* противоположное движение. «Демократия провинций» может стать одним из путей, однако, он обязательно будет проходить через Пекин, а может стать фактором нарушения равновесия в политических формах плюрализма мандаринов.

Февраль 2024 г.